

Придя въ чувство, Магуль-Мегери покрѣпѣла отъ стыда, закрыла лицо рукою и спряталась за чадру.

— Теперь точно видно, что ты Ашигъ-Керибъ, — сказалъ женихъ: — но повѣдай, какъ же ты могъ въ такое короткое время проѣхать такое великое пространство? — Въ доказательство истинны, — отвѣчалъ Ашигъ: — сабля моя перерубитъ камень; если же я лгу, то да будетъ шея моя тоньше волоса. Но лучше всего, приведите мнѣ слѣпую, которая бы семь лѣтъ уже не видѣла свѣта Божьего, и я возвращу ей зрѣніе. — Сестра Ашигъ-Кериба, стоя въ сѣняхъ у двери и услышавъ такую рѣчь, побѣжала къ матери. — Матушка! — закричала она: — это точно братъ и точно твой сынъ, Ашигъ-Керибъ! —

и, взявъ старуху подъ руку, привела ее на пиръ свадебный. Тогда Ашигъ взялъ комокъ земли изъ-за пазухи, развелъ его водою и намазалъ матери глаза, примолви: — Знайте всѣ люди, какъ могущъ и великъ Хадери-лазъ! — и мать его прозрѣла. Послѣ того никто не смѣлъ сомнѣваться въ истинѣ словъ его, и Куршудъ-бекъ уступилъ ему безмолвно прекрасную Магуль-Мегери.

Тогда, въ радости, Ашигъ-Керибъ сказалъ ему: — Послушай, Куршудъ-бекъ, я тебя утѣшу. Сестра моя не хуже твоей прежней невѣсты; я богатъ, у ней будетъ не меньше серебра и золота; и такъ, возьми ее за себя, и будьте такъ же счастливы, какъ я съ моею дорогою Магуль-Мегери.

ДВѢ НЕОКОНЧЕННЫЯ ПОВѢСТИ.

1841.

ОТРЫВОКЪ ПЕРВОЙ НАЧАТОЙ ПОВѢСТИ.

(Лугинъ).

I.

У графини В*** былъ музыкальный вечеръ. Первые артисты столицы платили своимъ искусствомъ за честь аристократическаго приема; въ числѣ гостей мелькало нѣсколько литераторовъ и ученыхъ, двѣ или три модныя красавицы, нѣсколько барышень и старушекъ и одинъ гвардейскій офицеръ; около десятка доморожденных львовъ красовалось въ дверяхъ второй гостиной и у камина. Все шло своимъ чередомъ; было ни скучно, ни весело.

Въ ту самую минуту, какъ новопріѣзжая пѣвица подходила къ роялю и развѣтывала ноты, одна молодая женщина зѣвнула, встала и вышла въ сосѣдную комнату, на это время опустѣвшую. На ней было черное платье, кажется, по случаю придворнаго траура. На плечѣ, припиленный къ голубому банту, сверкалъ брилліантовый вензель. Она была средняго роста, стройна, медленна и лѣнлива въ своихъ движеніяхъ; черные, длинные, чудесные волосы отъѣняли ей еще молодое и правильное, но блѣдное лицо, и на этомъ лицѣ сіяла печать мысли.

— Здравствуйте, мсье Лугинъ, — сказала Минская кому-то. — Я устала... Скажите что-нибудь.

И она опустилась въ широкое пате-возлѣ камина. Тотъ, къ кому она обращалась, сѣлъ противъ нея и ничего не отвѣчалъ.

Въ комнатѣ ихъ было только двое, и холодное молчаніе Лугина показывало ясно, что онъ не принадлежалъ къ числу ея обожателей.

— Скучно! — сказала Минская и снова зѣвнула. — Вы видите, я съ вами не церемонюсь, — прибавила она.

— И у меня сплнить!.. отвѣчалъ Лугинъ.

— Вамъ опять хочется въ Итацію, — сказала она послѣ нѣкотораго молчанія: — не правда ли?

Лугинъ, въ свою очередь, не слыхалъ вопроса; онъ продолжалъ, положивъ ногу на ногу и уставя глаза безотчетливо на бѣлораморныя плечи своей собесѣдницы:

— Вообразите, какое со мной несчастье! Что можетъ быть хуже для человѣка, который, какъ я, посвятилъ себя живописи? Вотъ уже двѣ недѣли, какъ всѣ люди мнѣ кажутся желтыми — и одни только люди! Добро бы всѣ предметы, тогда была бы гармонія въ общемъ колоритѣ: я бы думалъ, что гуляю въ галереѣ испанской школы... такъ нѣтъ! все, остальное какъ и прежде: одни лица измѣнились; мнѣ иногда кажется, что у людей, вмѣсто головъ, лимоны.

Минская улыбнулась.

— Призовите доктора, — сказала она.

— Доктора не помогутъ: это сплнить!

— Влюбитесь!

Во взглядѣ, который сопровождалъ это слово, выражалось что-то похожее на слѣ-